

К р и т и к а

«Но пока ещё желаю, да простит меня Господь! забрести под кущи Рая, где познала счастье плоть...»
Для равновесия рядом с Господом – «Идрёна мать» (Переверзин мастер таких неожиданных «нечаянных» оговорок, и они не кажутся дерзкими, а наоборот, странным образом успокаивают).

мёшь ты за шкурку соболью то ли жизнь, то ли шней волос...»
Иней волос – седина. Опыт, в котором мгновение сливается с вечностью. Двужильность работника, охотника, таёжника. Плеск и шёпот Лены. Соночный несмыаемый загар...
Учтём, однако, что при всей отдалённости от столицы, именно к Москве обращён зов стиха, ибо в мыслях – Россия, которую поэт должен воскресить стихами. А с нею – воскреснуть. По модели:
«Перестану валяться бесцерочно среди гиблых сибирских болот, – и тогда уж до Киева точно мой язык как-нибудь доведёт».

Травостой. Травопал. Траволёт о последней книге Ивана Переверзина «Грозные крылья»

Мне всё сегодня трын-трава! А завтра? Завтра Бог поможет!.. Иван Переверзин «Грозные крылья»

До Бога, Бог даст, взлетим. И насчёт травы выясним. А пока – о том, из чего что растёт и откуда взлетает. Ивану Переверзину не пришлось мучиться, пребывая в печать: в годы, на которые выпало его литературное пробуждение (первое стихотворение он написал в четвёртом классе школы), «Оттепель» ещё не сменилась заморозками. Да не пугают и заморозки: вырастает он в средне-ленской Якутии, не так уж далеко от полюса холода, но в достаточном тёплой литературной обстановке: провинциальные самородки у тогдашней советской власти в чести – противовес сточным горлопанам.

Бой с врагами на общественном поприще предполагает знание того, кого бьешь.
Поначалу ничего не видно, только слышны удары, да ярость застилает глаза:
«И я до хруста стисну зубы и посмотрю судьбе в глаза – тем взглядом яростным и грубым, что беспощаден, как гроза!»
Потом в этой грозе всё-таки проступают приметы. Экономно прописаны! Но кое-что прочтывается. Там не товарищи – там господа. Там трепачи-балаболки, свистуны на руинах основ, либеральные крысы, которые всё охавивают. Там «бесстыдное кино», «постыдный сброд», подменяющий всё «сексом и СПИДом». Но сколько бы они ни совали палки в колёса, ничего у них не выйдет... «да и потом – а что с них взять?»
Типично переверзинская проговорка, придающая делу шутливый оттенок.

Замечательная проговорка: нет ничего веселее, чем в наше незалежное время добираться до Москвы через Киев. Но без южного крыла, неотделимого от северного, не взлететь. И вот рядом с ледяными гранитами и вечными мхами контрапунктом возникает в стихах берёзовая заводь, цветут земляничные и черничные поляны, голосат щеглы, дрозды, скворцы и даже, прошу прощения, соловьи, припадающие к розам.
Красиво поют? Мог бы опустить занавес?

Но птицы, распевавшие красиво, душою слушать продолжал, как будто к ним себя счастливым по воле Божьей – приковал.

Всё у Переверзина – по воле Божьей. Чуть не в каждом втором стихотворении поминается Всевышний. Иногда вскозь, «в проговорку». Но иногда и в упор. И тут уже есть смысл вслушаться в диалог.

В диалоге этом (если отвлечься от вздохов типа «О, Господи!» или «Господи, прости!»), в которых тоже свой шарм) всегда чувствуется некая тяжесть, но не тяжёлая. Зачем на земле не счастья? Сил не хватает! Бог приобидает: «Не всё предпрешено». То есть, может, сил и хватает. А если всё-таки не хватает, Он, «слушись чего», поможет. А не поможет – придётся Ему простить. Слышите? Богу – простить! И расплатиться с Ним. Чем? Душой. Ибо «не только Богу, как в начале, но и себе принадлежу». Иначе говоря: «Мне, человеку, – человекье, а Богу – Божье, конечно, – и будет в мире мир – всегда».

Сомнительно, что при таком настрое будет мир. Вот уж, вистину, Бог нас, людей, создал, но и мы Его в ответ воссоздаём в сердце своём. Бог, конечно, поводырь, но человек идёт своим ходом и взаимодействует с Богом... не так, чтобы на равных, но в таком контакте, когда можно сказать мягко, но твёрдо:
– Боженька, меня не тронь.
И мы перед Ним в ответе, и Он – перед нами. За то, что у нас нет сил ни умирать, ни воскресать (заметим эту дилемму). Душа не виновата, если о ней Бог забыл. И душу Богу лучше не обещать. Потому что чёрт тоже не дремлет.
В общем, Бог есть, но мир таков, что проблемы приходится решать так, словно Его нет или Ему не до нас. А если так, то дело не в Боге, а в нас.
Хотя, конечно, Он простит, если что. Если что – поможет. Особенно – в той любви, которая в этом мире всё время подвергается искушениям.

Но я люблю, люблю, ты слышишь! и я в любви своей, как бог, душою возношусь всё выше, – где только солнечный восторг!

Тут я всё-таки приторможу свою критическую тачанку. Как ни хотелось мне проехать мимо оплошностей стиха, но придётся заметить, что рифма «бог – восторг» меня в восторг не приводит, безотносительно к богоскательским, богостроительским или богоборческим сюжетам. Как и другие рифмы типа «Всевышний – жизнь» или «жизнь – ввысь».

Рифмы могут быть намеренно неточными. Поэты 50-60-х годов («шестьдесятники») доводили такую неточность до виртуозности. Надо, однако, различать рифмы прищельно «приблизительные» и профессионально «неточные». Оговаривая (хотя терпеть не могу указывать авторам на недоработки): настоящая рифма – такая, словно русский язык ждал её и, наконец, только что дождался. Радость языка! А тут – тягло. Недотянуто.

Это, наверно, единственное моё замечание по части «ремесла». С ритмом у Переверзина всё в порядке. И в полном порядке умение передавать в стихе ход переживания – успеть зафиксировать то, что почувствовано. И интересно тут не то, «как написано», а то, каково мироздание, которое написано.

Два полюса у этого мироздания определяют колористическое напряжение: зелёный и синий. Зелёный – цвет травы. «Она растёт в воротах раи». Она «встает вокруг могил». Она «скриачивает об-щий фон» этой реальности.

Она стоит упрямо. Перегорает в пепел. Взлетает, подхваченная вихрем (что и побудило меня прибавить неологизм «траволёт» к «травостою» и «травопалу»).

А синий – цвет неба. Иногда – лазурный. Иногда – яростный, грозовой. Но и грозовой необходим душе. Сердце – синяя синица. О синеве можно опереться. Если есть крылья. «Если породниться с небом, то можно землю полюбить».
Но контакт этих начал – небесного и земного – не радужный, а ранящий. Перейти грань, преодолеть пропасть можно, только если рискуешь душой. И телом. Отсюда лейтмотив: идти – «по лезвию ножа». «За шагом шаг, как по ножу». «По лезвию клинка». Иногда – по лучу, но луч – как лезвие.
Жизнь вообще – путь по лезвию. Путь к смерти. Это, наверно, самый значимый лейтмотив у Переверзина: «жизнь подобна смерти». «В смерти скрыта высь». «Ведь если жизнь несёт грозу, то смерть душе дарует крылья...»

То есть смерть – не конец жизни, а переход бытия в иное состояние, из которого бытие оживает вновь, чтобы опять перейти в таинство смерти. Отсюда переверзинские оксюмороны. Ад и рай – равны. Счастье или несчастье – неважно. «Я буду жить на этом свете, я буду жить на свете том». «Ведь если умирать, то умирать от жизни, сияющей, как свет». «Помогите мне, друзья, помогите с верной смертью!». «Ад пережить сумел до смерти, за рай приму однажды смерть». «Смерть живу мёртвой жизни предпочту...»

Мотив слишком неотступный, чтобы быть случайным. Он явно связан с общим строем бытия. Строй бытия – или его расстройство – последний предел, на котором реализуется поэтическая истина.
Выбора нет: только через кровь, через боль, через пот. Через кровавый туман, через жар, через огонь. Через молнии во тьме. Через тьму, которая сменяет тьму же.

Недаром Лев Котюков, предваряя книгу Переверзина вступительной статьёй, не мог отказаться от мысли о конце света. От мысли о «Числе Зверья», которое проигрывает теперь «Слову» в вечной непримиримой борьбе. Человек в этом столкновении – обречён.

Счастья – нет...

Мотив – достаточно сильно прозвучавший в поэзии тех авторов, которые по меткому слову Бориса Слуцкого, оказались призваны к Слову как «последнее из поколений войны».

Поколение самого Бориса Слуцкого («лобастые мальчики невиданной революции») пошли умирать за мировой коммунизм, ощущая невиданное счастье. Как и их младшие братья, спасённые довоенные дети, которые готовы были умереть всё за то же мирное счастье. Совсем другое почувствовали поэты, родившиеся уже в войну и вставшие на ноги в послевоенные скучные годы. От смертельного 1941-го до 1953-го, когда смерть генералиссимуса отчеркнула эпоху, – эти уже ни в какое светлое будущее не верили, да и в Систему вживаться от-казались: ушли в «сторожка и дворник», только бы не иметь дела с химерами, из-за лживости которых «счастья нет».

Нужно было дожидаться поколения, которое преодолело бы безверие и, придя в жизнь уже в постсталинские годы, попробовало бы справиться с этим неподатливым миром.

Иван Переверзин рождается в том самом переломном 1953 году. Двужильность, ощущаемая в его поэтическом характере, – не только от северной таёжной закалки, а ещё и веры в то, что жизнь всё-таки сильнее смерти даже там, где смерть всё-таки сильнее жизни. И что есть силы жить и воздействовать на этот мир, даже если он не поддаётся.

Только мир уже не похож в сознании этого поколения на тот, которому счастливы были служить мальчишки военной и социалистической эпохи. Никакой коммунизм теперь никому не светит. Миряжи исчезли.

Каким-то подпузырем чутьём новые властители дум (им сейчас около шестидесяти и страна, можно сказать, в их руках), – каким-то тёмным подсознанием чувят эти вошедшие в силу люди, что мир неподатлив, малодушен, несправедлив.

А всё-таки поддаётся! Да... если твёрдо стоять меж землей и небом.

Отсюда – парадоксы Ивана Переверзина.

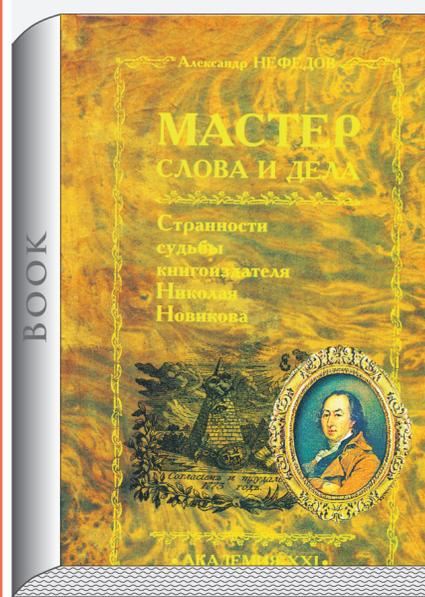
От неба взгляд не оторвёшь и вслед за ним не полетишь... Как бы живёшь – и не живёшь... Как бы горюшь – и не горюшь... И существую так давно, – за что? Не ясно самому... Но так вокруг меня тёмно, что вижу я за тьмою тьму...

За тьмою тьма – это значит: за светом свет. Сколько бы не представлялись светлыми...

Лев АННИНСКИЙ

ОБЗОРЫ

Сохраняя память

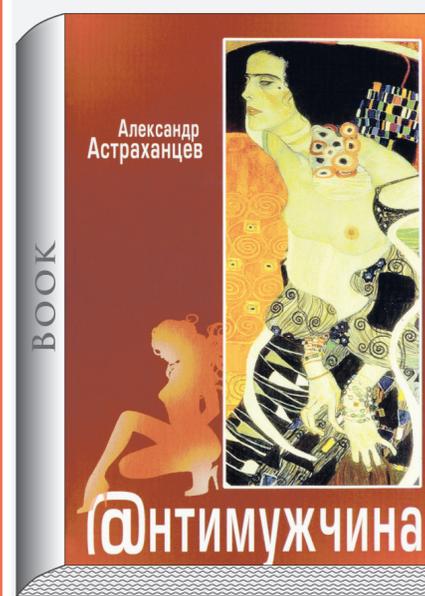
Нефёдов А. В. Мастер слова и дела. Странности судьбы книгоиздателя Николая Новикова. М.: «Академия-XXI», 2010. – 240 с.: ил.

Нефёдов, была действительно полна странностей. Он сумел при скудности средств затеять и успешно приумножить издательское дело и книготорговлю в России, объединить главных писателей, переводчиков, учёных своего времени. Он был баснословно богат, но умер в нищете. Будоражил умы современников, полемизировал с самодержицей российской Екатериной II, несломленный духом вынес заточение в сырых казематах, но провёл последние годы жизни в своём подмосковном селе, борясь с недугами, безденежьем, практически всеми забытый. Десятилетия историков и филологов, основываясь на изучении его наследия, защитили кандидатские и докторские диссертации, но никто так и не сумел достоверно увековечить его имя в названиях столичных улиц или на мемориальных досках...
А ведь этот видный просветитель и книгоиздатель, основоположник отечественной журналистики первым открыл для российских читателей волшебство трагедий Шекспира, прозы Сервантеса, Свифта, Дефо... Он издавал сатирические и научно-просветительские журналы, газету «Московские ведомости», составил и выпустил первый в нашей стране биографический справочник «Опыт исторического словаря о российских писателях». Всё, что делал для своей страны Николай Иванович Новиков, остаётся необычайно актуальным и для наших дней: забота о том, чтобы лучше произведения современных писателей стали достоянием широких народных масс путём создания разветвлённой книготорговой сети, сотрудничество с общедоступными библиотеками, реальная, а не декларативная поддержка талантливых мастеров слова, желательное самим фактом публикации их произведений и издания книг с последующим распространением по читальным залам и библиотекам, – это ли не главная задача любого издателя, в каком бы веке он ни трудился? Да и не только издателя, но и всякого самостоятельного гражданина Отечества, предпринимателя, чиновника и руководителя государства. Потому что нет большей чести, чем оставить след в культуре родной страны, и нет большего дела, чем поддержать родную культуру в её трудные годы. Пример Николая Ивановича Новикова говорит нам, что только так и должен жить всякий, кто любит Отечество и не на словах, а на деле служит ему своим умом, энергией и талантом...

Похоронен Н.И. Новиков в своей подмосковной усадьбе Авдотьино, на берегу реки Северки. «Ревнителем русского просвещения» назван он в проекте мемориальной доски, которую планируют укрепить на фасаде здания на улице Садовой-Спасской, дом 1, в Москве, где он жил и работал в 1785-1790 годах. И не просто жил и работал, а – во славу горячо любимой им Москвы и великой русской литературы. То есть – для нас с вами.

Антон ТОЛУБЕЕВ

«Нет женщин – есть антимужчины»

Астраханцев А. Антимужчина. М.: «Голос-Пресс», 2010. – 479 с.

Название романа послужил неологизм из стихотворной строки Андрея Вознесенского. Основа сюжетной линии – история современной российской женщины, добившейся жизненного успеха. Главная героиня Екатерина Иванова в 38 лет становится депутатом областной думы и начинает готовиться к выборам в депутаты Государственной Думы. За 38 лет жизни с ней много что случается: родилась в неблагополучной семье внебрачным ребёнком, пока глава семьи отбывал срок; из-за этого девушка терпела бесчестное унижение. Потом, студенткой, она была изнасилована. Закончив техникум, работала прорабом, но после «перестройки», чтоб выжить, героиня становится торговкой на рынке, подрабатывая проституткой. Но она умна и сметлива. Понимая, что никто не поможет ей вырваться из маргинальной среды, кроме неё самой, она решает стать юристом и поступает на юридический факультет. Знакомится с известным в городе политиком, устраивается его секретарём, помогает ему в политической борьбе. Многому научившись, пускается в политику, выступая теперь против своего учителя, и выходит из этой борьбы победителем. Программа, которая помогает ей выиграть областные выборы – феминизм экстремистского толка: Екатерина Иванова пропагандирует не равенство с мужчинами, а презрение к ним и главенство над ними, призывает к «новому матриархату», захвату власти в семье, на производстве, в политике, экономике, причём для захвата власти предлагает использовать любые средства. Свои лозунги она претворяет в жизнь, применяя их во время выборов: глумится над мужчинами, обвиняя их во всех грехах, дискредитирует их, одновременно подстрекает женщин ко всеобщему бунту против системы патриархального устройства общества. Таким образом она зарабатывает популярность не только среди женщин, составляющих большую часть избирателей, но даже и среди представителей сильного пола. Повествование ведётся от первого лица. Лицо это – Таисья, подруга Екатерины Ивановны с детства, отличница в школе, затем студентка университета. Она постоянно помогает Кате и протягивает ей в трудные моменты руку помощи. Она же невольно подпитывает Катю интеллектуально; успешная учёба той на юрфаке и успехи на выборах обусловлены немалой помощью подруги. Когда Катя становится депутатом, то предлагает Таисье тоже всерьёз заняться политикой и обещает всемерную поддержку. Однако последняя, с головой окунаясь в нечистоплотность и грязь, которые неизбежно сопутствуют политической жизни, отказывается от дальнейшего сотрудничества с успешной политиканшей и вообще от всякой политики. Сможет ли Катя, она же теперь депутат областной думы Екатерина Иванова, развить свой политический успех без интеллектуальной поддержки бывшей подруги? Таков открытый финал романа.

В аду сгорю я, чёртов грешник, за то, что от шальной любви построил в аду такой скворешник, что в нём подошли соловьи...

Это не гимн супружеской верности, но и не гимн эротическому разгулу, это именно стык, встреча, очная ставка, попытка соединить то и другое, объяснить на тот и этот счёт.
Может быть, объяснения в реальности случались и острые, с ядовитыми определениями, с криками: «Подлец, подлец, я знала, знала, знала!», – а однажды чуть не до ножей дошло... Но не это потрясает лирического героя в реакциях лирической героини на его грехи, а то, как она в самые роковые мгновенья – молчит.
Молчит – словно что-то знает. Знает о нём то, что сильнее слов. И знает, что «это» не объяснить.

Что «это»? А сам герой – может ли объяснить себе, почему именно молчанье так околдовывает его в героиню? Или он сам надеялся её тем знанием, какое она должна в нём распознать? Понять то, что держит его душу (то ли изнутри, то ли извне) какая-то сила, которую лучше всего отнять... ну, естественно, к компетенции Царя Небесного: